

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 82.0

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-889-902>

Шифр научной специальности 5.9.3

Василий Каменский визуально-звучарный (к 140-летию поэта-авиатора-будетлянина)

Сергей Евгеньевич Бирюков

ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

119034, Российская Федерация, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1

[✉ sibirjukov@gmail.com](mailto:sibirjukov@gmail.com)

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного подхода к анализу творчества одного из ведущих деятелей русского футуризма Василия Васильевича Каменского. Актёр, писатель, редактор, авиатор, цирковой артист, художник, организатор литературного и сценического пространства. Все эти дарования сходятся в фокусе поэта. И необходимо последовать за поэтом в его поисках, чтобы открыть его заново. Цель исследования – выявить особенности поэтики В. Каменского, ключевой фигуры в истории русского авангарда. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Материалом исследования служат произведения поэта, прежде всего инновационного характера, в которых он, опираясь на традиции предшественников, совершает прорыв к новым возможностям звучания слова в соединении с визуальными решениями. Анализ текстов ведётся на основе лингвистической поэтики, а также искусствоведческих подходов и разработанного автором данной статьи трансформативного метода исследований авангардных текстов с использованием биографических материалов, мемуаристики. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Показано, что базовым фундаментом для В. Каменского является глубокая укоренённость в русской культуре (фольклор, поэтические традиции разных уровней). Именно на основе этого фундамента ведутся поиски новых форм В. Каменским, В. Хлебниковым, В. Маяковским. Авангард трансформирует, а не разрушает. Увлечение В. Каменского новейшими техническими достижениями (авиация, телефон, радио, типографские техники, строительные материалы) также привносит свои особенности в его творческую мастерскую. В. Каменский является пионером русской визуальной и звучарной поэзии. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Исследование, основанное на всестороннем обследовании творческой лаборатории поэта и его соратников, обращено к филологической и культурологической аудитории. Оно показывает возможности конвергенции методов при анализе инновационных поэтических структур. Результаты исследования могут найти применение как в теоретических разработках, так и в педагогической практике.

Ключевые слова: Василий Каменский, русский футуризм, авангардный текст, визуальное и звучарное, железобетонные поэмы, поэт-авиатор, самопрезентация

Благодарности и финансирование. О финансировании исследования не сообщалось.

Конфликт интересов. Автор статьи является членом редакционной коллегии журнала «Неофилология», но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования: Бирюков С.Е. Василий Каменский визуально-звучарный (к 140-летию поэта-авиатора-будетлянина) // Неофилология. 2024. Т. 10. № 4. С. 889-902. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-889-902>

Vasily Kamensky visual and sound (for the 140th anniversary of the poet-aviator-budetlyanin)

Sergey E. Biryukov

Moscow State Linguistic University

1 bldg., 38 Ostozhenka st., Moscow, 1119034, Russian Federation

✉ sibirjukov@gmail.com

Abstract

INTRODUCTION. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive approach to the analysis of the work of one of the leading figures of Russian futurism, Vasily Vasilyevich Kamensky. Actor, writer, editor, aviator, circus artist, artist, organizer of literary and stage space. All these talents converge in the focus of the poet. And it is necessary to follow the poet in his searches in order to rediscover him. The purpose of the study is to identify the features of the poetics of V. Kamensky, a key figure in the history of the Russian avant-garde. **MATERIALS AND METHODS.** The research material is the poet's works, primarily of an innovative nature, in which he, relying on the traditions of his predecessors, makes a breakthrough to new possibilities of the sound of the word in combination with visual solutions. The analysis of the texts is based on linguistic poetics, as well as art criticism approaches and the transformative method of research of avant-garde texts developed by the author of this article using biographical materials and memoirs. **RESULTS AND DISCUSSION.** It is shown that the basic foundation for V. Kamensky is deep rootedness in Russian culture (folklore, poetic traditions of different levels). It is on the basis of this foundation that V. Kamensky, V. Khlebnikov, V. Mayakovsky search for new forms. Avant-garde transforms, but does not destroy. V. Kamensky's passion for the latest technical achievements (aviation, telephone, radio, printing techniques, building materials) also brings its own characteristics to his creative workshop. V. Kamensky is a pioneer of Russian visual and sound poetry. **CONCLUSION.** The study, based on a comprehensive examination of the poet's creative laboratory and his associates, is addressed to a philological and cultural audience. It demonstrates the possibilities of convergence of methods in the analysis of innovative poetic structures. The results of the study can be used both in theoretical developments and in pedagogical practice.

Keywords: Vasily Kamensky, Russian futurism, avant-garde text, visual and aural, reinforced concrete poems, poet-aviator, self-presentation

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author of the article is a member of the editorial board of the journal "Neophilology", but has nothing to do with the decision to publish this article. The article has undergone the peer-review procedure adopted by the journal. The author declares no other conflicts of interest.

For citation: Biryukov, S.E. Vasily Kamensky visual and sound (for the 140th anniversary of the poet-aviator-budetlyanin). *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(4):889-902. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-4-889-902>

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время активно исследуется идиоматика русского авангарда [1], специфика отношения к вещно-материальному миру [2], проводится анализ способов языковой креативности и неологизации, аномальных высказываний русского авангарда и языковой практики авангардной литературы [3; 4].

Цель исследования – выявить особенности поэтики Василия Каменского, являющегося ключевой фигурой в истории русского авангарда.

«Василий Каменский известен как поэт-футурист, авиатор, художник, актёр», он пытался синтезировать «живопись и поэзию, театр и цирк» [4, с. 229].

140-летний Василий Васильевич Каменский остаётся песнебойцом. Его новаторство, оригинальная работа со словом, звучанием и визуальным воплощением поэтического, его позиционирование в искусстве и в медийном пространстве, после ряда публикаций в 1990-е годы, в дальнейшем всё больше привлекает внимание исследователей¹. Можно сказать, что Каменский стал постепенно заново открываться в исследовательской сфере и через неё проникать в современный литературно-художественный процесс.

И здесь надо сказать, что в случае с авангардом вообще и с Каменским, как одной из ярчайших фигур русского футуризма (будетлянства), мы попадаем в некое несовпадение с академическим дискурсом. Рассуждая о творчестве Каменского, Маяковского, Хлебникова, Бурлюка, Кручёных и других авангардных авторов в стиле строгой академичности, мы, по сути, отказываемся от пушкинского завета: «Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным». Это высказывание много раз воспроизводилось с уточнениями, что имеется в виду и вообще писатель. Кстати, и Каменский, и Хлебников, и Маяковский были в том числе драматическими писателями, то есть писали и драматургические произведения. Так, В. Каменский написал повесть «Пушкин и Дантес», роман «Степан Разин»², в котором отразил эксперименты «не только с формой прозы и поэзии, но и со словами, которые приобретают такое неожиданное красивое певучее звучание» [5, с. 107]. (Оба произведения имели также авторские драматургические варианты и стави-

лись на сцене, но сценическую историю мы здесь не рассматриваем).

Заметим, что «эксперимент шёл на почве самой природы искусства – природы художественности» [6, с. 124].

Обращает на себя внимание книга, которая включает роман «Невеста Пушкина» С.Н. Сергеева-Ценского и повесть «Пушкин и Дантес» В.В. Каменского³.

В. Каменский работал в разных жанрах и везде был строителем новых форм. Интересна оценка его творчества Варламом Шаламовым, который писал: «Его издавали на родине в Перми вроде как по линии краевой литературы. Между тем Каменский – яркая фигура русского, а то и мирового масштаба, занимавшая своё место рядом с Маяковским и Хлебниковым во времена раннего футуризма, а кое в чём Каменский и сам выразительнейшая страница истории русской культуры, русской поэзии... Каменский был огромный поэт-новатор и неустанный экспериментатор, выдержавший давление многовековой культуры всех народов. Все открытия, которые принёс Маринетти в Россию, давно были сделаны русским футуризмом – Хлебниковым, Маяковским, Каменским. Если уж и уподоблять творчество и жизнь Каменского какой-нибудь эпохе, надо вспомнить эпоху Возрождения – по универсализму, новаторству в любой области искусства или человеческой деятельности вообще... новаторское, экспериментаторское обновление русской поэзии, сделанное Каменским в сборниках раннего футуризма, обеспечило Каменскому место в самых первых рядах новителей русского стихосложения»⁴.

Словотворчество Каменского достигало такого уровня, что у слов исчезал всякий смысл, оставалась только их «глубинная музыкальная природа, темп, ритм, созвучные состоянию поэта в момент его творческого экстаза» [7, с. 51].

В специальном очерке о Каменском, написанном в 1970-е гг., Шаламов говорит о

¹ Казакова С.А. Творческая самопрезентация Василия Каменского и её отражение в периодике 1910–1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 24 с.; Полухина Я.П. Словотворчество Василия Каменского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2012. 22 с.; Антипина З.С. Литературная репутация и творчество В.В. Каменского в историко-культурном контексте 1920–1930-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2012. 19 с.; Федотова Н.Ф. В.В. Каменский: эволюция лирики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2003. 23 с.

² Каменский В. Степан Разин. Пушкин и Дантес. Художественная проза и мемуары. А.Г. Никитин. Вступительная статья. Жизнь и проза футуриста Василия Каменского. Комментарии. М.: Правда, 1991. 640 с.

³ Сергеев-Ценский С.Н. Невеста Пушкина; Каменский В.В. Пушкин и Дантес. М.: Вече, 2018. 416 с.

⁴ Поэт Василий Каменский // Варлам Шаламов. URL: <https://shalamov.ru/library/21/55.html> (дата обращения: 01.06.2024).

нём и как о художнике и артисте и одном из первых русских авиаторов. Но в заголовке значится «Поэт Василий Каменский». Акцент делался именно на поэтическом даровании Каменского. Прозорливые замечания Варлама Шаламова нацеливают на разговор именно о поэтическом начале в творчестве Каменского и поиске подходов к осмыслению его творчества. Благодаря новым исследованиям появились возможности дискуссии о творчестве одного из самых ярких русских авангардистов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования являются произведения В. Каменского. Были привлечены методы лингвистической поэтики, интертекстуальности, искусствоведческие подходы, а также авторский метод трансформативной поэтики с использованием биографических подходов, мемуаристики. Такой синтетический междисциплинарный подход даёт возможность выявить особенности поэтики Каменского, в том числе и на сопоставлении с поэтикой Велимира Хлебникова.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В дискуссиях об авангарде обычно довлеет представление о разрушительности этого направления по отношению к предшествующему искусству. И кажется, что авангардисты в своих манифестах дают к этому повод. Хотя при внимательном прочтении манифестов и самих произведений убеждаешься в противоположном.

Да, интенции к обновлению искусства налицо, но как это реально происходит... В том же самом «грозном» манифесте «Пощёчина общественному вкусу» говорится: «Кто не забудет своей п е р в о й любви, не узнает последней»⁵. Причём, слово «первой» подчёркнуто даётся вразрядку! Поскольку перед этим высказыванием называются имена Пушкина, Достоевского, Толстого, то, очевидно, они и являются «первой любовью»

господ футуристов. И не только они. В сфере интереса находятся пласты предшествующей и современной литературы.

Однако следует отметить, что подписи В. Каменского под «Пощёчиной» нет, как и ещё под некоторыми манифестами той поры. Его подпись появляется под «Манифестом Летучей Федерации Футуристов» (1918 г.), в котором пролетарии призываются «к третьей бескровной, но жестокой революции, революции духа»⁶.

Путь Каменского в искусстве начинался с актёрства. Он выступал под псевдонимом Васильковский в провинциальных антрепризах. Актёрская карьера была недолгой, но он навсегда заразился вирусом театральности, что скажется в его дальнейшей деятельности. Последней антрепризой, в которую он поступил, руководил Всеволод Мейерхольд. Услышав стихи актёра Васильковского, режиссёр поддержал решение Каменского оставить театр.

Далее были встречи с Велимиром Хлебниковым, Давидом Бурлюком, Владимиром Маяковским, Еленой Гуро, Михаилом Матюшиным, Алексеем Кручёных.

Встречи оказались определяющими. Именно в этом кругу шли интенсивные поиски новых содержательных форм искусства на пересечении изобразительного и словесного искусства, визуального и звучарного. И Василий Каменский в этих поисках был одним из самых активных, настоящим энтузиастом открытий.

Ю.Б. Орлицкий в специальной обзорной работе даёт краткие описания открытий Каменского в разных жанрах, которые так или иначе связаны с поэтическим началом. Завершая обзор, Орлицкий делает вывод, что Каменский «был подлинным первооткрывателем <...> многих формальных новаций, нашедших затем продолжение в творчестве представителей так называемого «второго авангарда»; среди них – прозиметрия, в том числе и за рамками художественного дискурса; короткая (версейная) строфа, использование прозаических миниатюр в составе большой прозы, заумь в прозе и драматургии;

⁵ Поэзия русского футуризма / сост. и подготовка текста В.Н. Альфонсова и С.Р. Красицкого. СПб.: Академический проект, 1999. С. 617.

⁶ Там же. С. 627.

акцентный и свободный стих, раешник, монотонных, прозиметрия и визуальная техника – в поэзии» [8, с. 167].

Каменский был заместителем главного редактора журнала «Весна», и можно считать, что он способствовал дебюту в печати Велимира Хлебникова. В 1908 г. в журнале «Весна» появился довольно странный по тем временам текст, полный неожиданных словообразований, – стихотворение в прозе «Искушение грешника».

Молодые поэты сдружились. Хлебников в то время создавал свои ранние словотворческие шедевры, обращаясь к истокам русской речи. Каменский почувствовал в нём родственную душу, устремлённую к поиску, в его поэзии появляются неологизмы, построенные по моделям, подобным хлебниковским [9, с. 23].

Будетляне (так именовал русских футуристов Велимир Хлебников, который ввёл для себя запрет на греко-латинские корни) по-новому прочитывали поэзию и прозу предшественников и современников. Ранние стихи Каменского перекликаются со стихами Алексея Кольцова и Ивана Никитина. Но если стихи последних были привязаны к бытовым особенностям крестьянской или мещанской жизни, то у Каменского его стиль «песнебойца» (как он сам себя именовал) позволял создать своего рода гимн русскому духу во вневременном измерении. Как его стихотворение «Русский звенидень», которое, на наш взгляд, можно было бы включить в хрестоматию русской поэзии для русских и нерусских школ:

Звени, Солнце! Копья светлые мечи,
лей на Землю жизнедатные лучи.
Звени, знойный, краснощёкий,
ясный-ясный день!
Звенидень!
Звенидень!
Пойте, птицы! Пойте, люди! Пой, Земля!
Побегу я на весёлые поля.
Звени, знойный, чернозёмный,
полный-полный день.
Звенидень!
Звенидень!
Сердце, радуйся и, пояс, развяжись!
Эй, душа моя, пошире распахнись!

Звени, знойный, кумачовый,
яркий-яркий день.
Звенидень!
Звенидень!
Звени, Солнце! Жизнь у каждого одна,
лучезарная, бегущая волна.
Звени, знойный, разудалый,
русский, алый день.
Звенидень!
Звенидень!⁷

В 1910 г. вышел коллективный альманах «Садок судей», инициированный Каменским. Он открывался большой подборкой его стихов. Н.Л. Степанов в предисловии к тому Каменского в серии «Библиотека поэта» писал: «Стихи, помещённые в «Садке судей», принадлежат к числу лучших стихов Каменского. В них звучит та простодушная пастушеская свирель, которая так восхищала его у Хлебникова. По словам Каменского, «Хлебников... показал ярко и мудро-просто, что стихи надо писать вольно, так, как вольно играет на свирели пастух, сидя на горке у ручья и слушая только сердце своё». Этот угол зрения определял характер ранних стихотворных опытов самого Каменского»⁸.

Действительно, есть ряд довольно простых в формальном отношении стихотворений. Но в основном Каменский стремится к созданию своих особых форм, в первую очередь рассчитанных на звучание. Стихотворение «Русский звенидень» как раз из таких партитурных по сути произведений. Оно построено как песенно-ораториальное, нацеленное на духоподъёмность.

Здесь преобладает сквозная императивность: **звени, мечи, лей, пойте, пой, радуйся, развяжись, распахнись**. Причём императивы обращены не только к живым существам (людям, птицам), но и к **Солнцу, Земле** (к Земле как планете, с большой буквы!), а также к **сердцу** и **душе** как воплощениям духовности и даже к неодушевлённому предмету – **поясу**. Прозвученность текста невероятная. Он весь звенит. Анафорические императи-

⁷ Здесь и далее стихи Каменского цит. по тому БС БП // Библиотека русской и советской классики. URL: <https://traumlibrary.ru/book/kamenskiy-1966/kamenskiy-1966.html>.

⁸ Там же.

вы – **Звени!** Органический неологизм – **Звени-день!** Обилие звонких согласных. 25 звуков «з» на четырехстрочный текст с четырьмя двухсловными рефренами! Четырежды повторённый **знойный**. Звучарная мощь зачина усилена словом **жизнедатные** – из интеллектуального лексикона (Каменский был в то время слушателем агрономических курсов, судя по всему, довольно фундированных).

Велимир Хлебников до переезда в Петербург под влиянием отца серьёзно занимался орнитологией. Голоса птиц хорошо слышны в его поэзии: «художественные лингвофилософские выкладки включали и «птичий язык», который, с одной стороны, ассоциируется с «заумью», а с другой – строится как ономотопея, имея и символическое значение ...» [10, с. 194]. Слышны эти голоса и в поэзии Каменского. Думается, что внимание к звучанию природы актуализировал Велимир Хлебников.

Не случайно именно ему Каменский посвящает стихотворение «Развеснилась весна», в котором переговариваются голуби: «Аг-гурль... аг-гурль...».

В стихотворении «Циа-цинть» Каменский входит в птичий мир как равный, как вольная птица, отвечающая пением пению «летающих друзей»:

Циа-цинц-цвилью-ций-
Цвилью-ций-ций-тюрь-ю –
День-деньской по березнику звонкому,
Как у божиих райских дверей
Или как у источника радостей,
Слышны пташек лесных голоса.
Цвилью-ций-ций-тюрь-ю!
Сквозь густых зеленистых кудрей
Голубеют глаза-небеса.
Я лежу на траве. Ничего не таю,
Ничего я не знаю – не ведаю.
Только знаю своё – тоже песни пою,
Сердце-душу земле отдаю,
Тоже радуюсь, прыгаю, бегаю.
Циа-цинц-цвилью-ций.
Над моей головой
Пролетел друг летающий мой.
«Эй, куда?»
И ответа не жду я – пою.
Солнце алмазными лентами
Грудь мою жжёт.
Доброе солнце меня бережёт.

Образ поэта, покоющего, как птица, достаточно традиционный. Но Каменский максимально сближает птичий, природный мир со своим миром поэта, растворяющегося в природе. И не отсюда ли, не из сближения с полётностью птичьего мира возникает тяга поэта к полёту. И он обретает возможность полёта, становясь авиатором, осваивая аэроплан одним из первых в России. Ощувив в полёте, что он как будто сам летает, подобно птице, Каменский создаёт слово **самолёт!** Так из птичьего = поэтического пения рождается предметное слово.

И возвращаясь к птицам, восторженное стихотворение «На аэропланах», пронизанное звуковыми окликаками, – «бирюзовыми зовами» исполнено полётностью «цветистых птиц кораблей»:

Бирюзовыми
Зовами
Взлетая и тая
В долины лучистые
Покоя земли,
Раскрываются крылья,
Быстрины взметая, стаи –
Цветистые птиц корабли.
Воздухом –
Духом
Душа изветрилась,
Будто не хочется
Знать о земном
Крыльями воля
Людей окрылилась, – дни
Океанятя
Звёздным звоном.
Тегеран и Бомбей,
Москва и Венеция –
Крыловые пути
Людей-лебедей.
Каир и Париж,
Берлин и Турция
Перекинулись
Стами устами
Из крыльев мостами
Разлёт развели
Стаи – цветистые
Птиц корабли.

Поэт в стихе пытается передать полётность человека на аэроплане. И это ему удаётся благодаря глубокой прозвученности. Слово воспринимается в процессе полётно-

сти, что усиливается последующим словом, либо через слово или через строчку. Звуковые повторы подчёркнуто акцентируются: БирЮЗОВАми ЗОВАми, взлЕТАЯ и ТАЯ, расКРЫЛЯются КРЫЛЬЯ, возДУХОМ – ДУХОМ.

Вскоре он найдёт и другие формы передачи полётности, переходя к визуальным решениям. Но идея порождения человека-птицы, вернее, трансформации человека в САМОлёт не будет его оставлять. И он пишет «Аэро-пророчество», которое сам в скобках определяет как «(Рождественское предсказание пилота-авиатора Василия Каменского)».

В первой части он делает обзор развития и достижения авиации (к 1911–1912 гг.), особо акцентируя, что воздухоплавание «древнейшая и самая заветная мечта человечества», и подчёркивая, что «сами авиаторы в силу своего увлечения, веры и преданности любимому делу сознательно совершают смелые полёты, оставляя свою жизнь счастливой судьбе» [11, с. 11].

И далее поэт-авиатор прогнозирует полётные возможности человека от одного года через 50 – 150 – 200 – 500 – 1000 – 2000 лет... Причём поэт явно опережает авиатора. Как уже говорилось выше, можно было судить по стихам. Но прямое пророчествование было в крови у будетлян. Поэтому читаем у Каменского, что через 150 лет «...Тип летающих людей будет близко напоминать птиц. Человеческий рост сильно уменьшится, тонкие шеи вытянутся, большие, зоркие глаза, грудь выдвинется вперёд, голос будет громким, певучим» [11, с. 13].

Интересно, что при невероятной публикационной активности Каменского произведение «Аэро-пророчества» не было им опубликовано. Возможно, это был текст лекции, как предполагают публикаторы С. Казакова и А. Россомехин. Как известно, в лекциях Каменский сохранял принцип поэтического, фантазийного полёта.

Своего рода апофеозом авиапоэтики стало произведение «Полёт Васи Каменского на аэроплане в Варшаве», которым завершается знаменитая пятиугольная книга железобетонных поэм «Танго с коровами». Поэт

сделал специальное указание «читать снизу вверх». Само произведение, состоящее из слов, описывающих взлёт аэроплана, смотрится треугольником. Слова подаются как будто рывками – части слов отрываются и лепятся к другим словам. Поэт-авиатор передаёт таким образом движение летательного аппарата, его разгон по полю, вплоть до взлёта в вершине треугольника!

Зрением мы сразу схватываем треугольник разбега и взлёта. Но надо ещё прочесть, то есть озвучить этот разбег-взлёт, звук мотора, противодействие ветра, смещение картин от земли к солнцу.

К сожалению, сам Василий Васильевич не оставил нам авторского прочтения «Полёта», но он оставил нам своего рода партитуру, которую мы можем попробовать озвучить.

Собственно вся книга «Танго с коровами», кроме включённых в неё графических работ Владимира и Давида Бурлюков, представляет нам серию таких партитур, которые мгновенно схватываются взглядом и могут быть озвучены.

К «железобетонным поэмам» не раз обращались исследователи. Интересно проследить варианты подходов. Из ранних обращений наиболее известное описание поэмы «Константинополь» искусствоведом Андреем Шемшуриным. Он пользовался пояснениями самого Каменского, который рассказывал о своём посещении Константинополя и впечатлениях от него, представленных в этой стихокартине (Каменский выставлял поэму на художественной выставке). Это полезное описание, поскольку оно в значительной степени дешифрует некоторые фрагменты, которые без пояснений непонятны [12].

При факсимильном переиздании книги «Танго с коровами» искусствовед Ю. Молок называет свою статью «Типографские опыты поэта-футуриста» и делает акцент на футуристической типографике и использовании поэтом модных веяний эпохи – танго, железобетон, реклама. Что касается определения «железобетонные» применительно к поэмам, то Ю. Молок замечает: «Очевидно, Каменский употреблял этот термин в более широком смысле, а не только как прямое обозначение жёсткой конструкции: он ввёл его по

принципу «чужого» слова, как антипод лирического, романтического словаря поэзии» [12, с. 5]. В подтверждение этого наблюдения Ю. Молок называет ряд «поэм» из книги, не имеющих «железобетонной структуры».

Искусствовед Владимир Поляков определял «Танго с коровами» «вершиной в истории печатной кубофутуристической книги», а «железобетонные поэмы» «качественно новой формой поэтического творчества» [13, с. 251]. Он сопоставлял поиски Каменского с дизайнерскими новациями типографов, выпускавших известный в десятки годы «Кине-журнал» [13, с. 253], а его подход к представлению впечатлений в поэмах с коллажным принципом художников футуристического направления [13, с. 255].

Автор и теоретик направления «книга художника» М.С. Карасик в специальной работе о «железобетонных поэмах» тщательно прорабатывает визуальные ряды и делает вывод: «Железобетонные поэмы» давно, если не сразу, стали картинами для рассматривания. Понять их можно, прибегая к методикам чтения визуальной поэзии, погружаясь в секреты типографской тайнописи» [11, с. 197]. И в последнем предложении статьи выходит за границы визуального: «Для их чтения необходим декламаторский талант и многочасовые тренировки» [11, с. 197].

В.Ф. Марков в работе «Истории русского футуризма» (первое издание на английском языке опубликовано в США, 1968 г.) писал: «В «железобетонных поэмах» Каменского визуальная форма уничтожает всё остальное: читать их вслух практически невозможно» [14, с. 169].

Несколько неожиданное сопоставление «железобетонных поэм» Каменского с пластикой танцовщиц «в духе Айседоры Дункан» предложила И.Е. Сироткина, понимая под этим сопоставлением выход на перформанс: «Человек глубоко театральный и публичный, Василий Каменский строил свою жизнь и тексты как перформанс. Сценарием перформанса были и его «железобетонные поэмы» [11, с. 231]. Ранее было замечено, что «железобетонная поэма» «Солнце» «представляет собой своеобразную карту жизне-творчества футуриста» [15, с. 145].

В качестве перформера действительно нетрудно представить Каменского, также, как Маяковского, Бурлюка, Алексея Кручёных. Хотя этот термин в то время не использовался, но выступления кубо-футуристов были перформативными. Каменский был блестящим исполнителем собственных текстов. Исследователь русского поэтического авангарда В.Н. Альфонсов вспоминает, как, будучи ещё школьником, гостил у В.В. Каменского и слушал его чтение: «Надо было слышать, как читал Каменский, – пел, голосил, заливался, замирал, отчеканивал ритмы, прихохатывал. Не просто манера исполнения – это было вскрытие той стихийной подосновы... которая лишь частично умещалась в русле печатных строк»⁹.

Сохранились записи чтения Каменского, которые частично передают впечатления слышавших поэта вживую. К сожалению, среди этих записей нет авторских прочтений «железобетонных поэм». Поиском подходов к озвучанию «железобетона» довелось заниматься представителям уже следующего этапа авангарда. Валерий Шерстяной, Александр Горнон и автор этих строк в разные годы предлагали свои варианты прочтения произведений Каменского.

Представление о музыкальности «железобетонных поэм» и синтезе искусств в этом варианте поэтического формировалось постепенно [15, с. 144-146], что привело в результате к исполнению поэмы «Константинополь».

Валерий Шерстяной свои занятия русской звучарной поэзией суммировал в антологии, название которой позаимствовал у Каменского «Tango mit Kühen» («Танго с коровами»). Он перевёл на немецкий и транслитерировал звуковые произведения русского исторического авангарда, подготовил биографические справки авторов и прокомментировал тексты [16]. Эта работа помогла ему в дальнейшем в представлении русской звучарной поэзии публике в немецкоязычных странах. Ряд произведений Хлебникова, Маяковского, Каменского, Бурлюка, Кручёных мы исполняли дуэтом. В том числе и поэму «Константинополь».

⁹ Поэзия русского футуризма. С. 20.

Среди других поэм эта выделяется рядом особых определений. Во-первых, она обозначена как «первая міру книга поэзіи», затем как «творческий опыт железобетонной постройки поэм» плюс своеобразный авторский девиз: «поэзія праздник бракосочетания слов» и наконец указание – «на стены заборы».

Далее мы начинаем читать эту «книгу поэзии» и видим, что это партитура. Эта конструкция насквозь прозвучена. Там каждое слово или фрагмент слова откликается предыдущему. Это совсем не анархический текст, а строго выстроенный оркестровый. Могут быть варианты исполнения. Но в принципе он выстроен слева направо, сверху вниз (рис. 1).

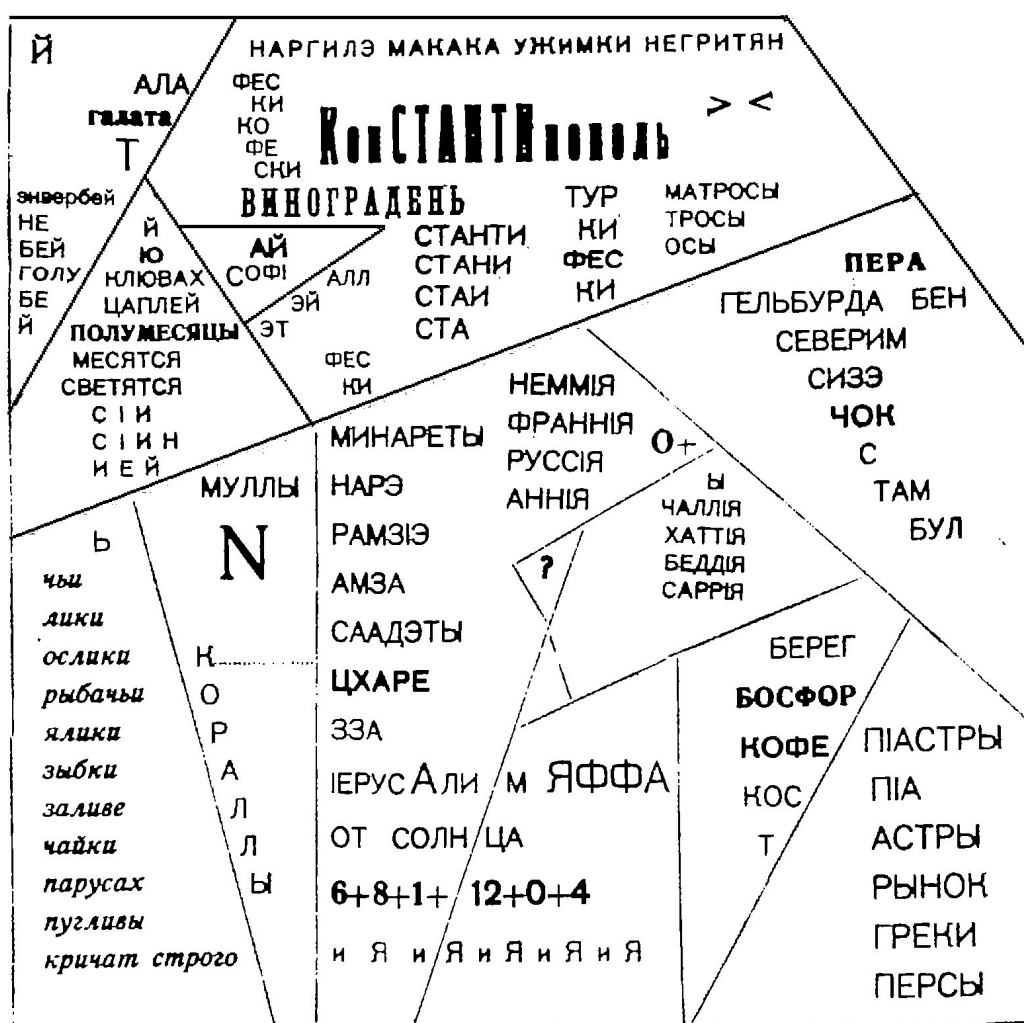

Рис. 1. Визуальные и звуковые конструкции в произведении «Железобетонная поэма»

Fig. 1. Visual and sound constructions in the work "Reinforced concrete poem"

Источник: Каменский В. Танго с коровами. Железобетонные поэмы. (Факсимильное издание с приложением статей Ю. Молока «Типографские опыты поэта-футуриста, А. Шемшурина «Железобетонная поэма»»). М.: Книга, 1991.

Source: Kamensky V. Tango with cows. Reinforced concrete poems. (Facsimile edition with the appendix of articles by Yu. Moloko "Typographic experiments of the futurist poet, A. Shemshurin "Reinforced concrete poem"). Moscow, Kniga Publ., 1991.

Автор неоднократно озвучивал «Константинополь» в разных странах и разных аудиториях. С одним из вариантов звучарного представления можно познакомиться (<https://www.youtube.com/watch?v=o6gh2ehhudk>). За чтением можно следить как по партитуре.

Случай «Константинополя» наиболее выразителен в представлении, как визуальная конструкция превращается в музыкально-поэтическое действо.

Но вернёмся к текстам, которые в типографском исполнении смотрятся не так вызывающе необычно. На самом деле они также являются партитурами и предназначены к исполнению. Это, например, «Вавилон фонетики», построенный на иностранных словах, записанных кириллицей. Ясно, что эти слова читаются с некоторым акцентом, и в то же время они передают фонетическую разнородность мира.

То есть Каменский во многих своих стихах создаёт своеобразную звуковую ауру, идущую от народной песенной стихии, от ощущения праздничности.

В одном из писем своему другу, режиссёру Николаю Евреинову, Каменский писал: «Из меня выходит композитор словотворчества-звукотворчества. Чем дальше читаю, тем успех больше растёт, а под конец ногами топают, требуя повторения». И далее определяет себя, как «мастера чтения» [11, с. 122].

В качестве одного из образцов успешного представления текста на сцене Каменский называет звучарное произведение «Жонглёр». Это произведение обращает нас к ещё одной ипостаси поэта – цирковой.

О.Д. Буренина-Петрова отмечает: «По мнению футуристов, цирк – вершина не только футуристического, но и всего авангардистского искусства, поскольку создаваемое в нём напряжение, стирая границу между манежем и залом, артистом и публикой, вовлекает всех в единое поле восприятия и переживания риска, как воплощения «сдвига» [17, с. 179]. Работы Маяковского и Каменского исследовательница приводит в качестве примеров взаимодействия футуристов с цирком.

Подробный обзор взаимодействия Каменского с цирком даёт Андрей Россомехин. «Каменский и сам выступает в цирке (с чтением поэмы о Разине, восседая на коне), и пропагандирует цирк в лекциях, и пишет стихи о цирковых артистах: «Акробатка», «Рыжий», «Жонглёр» [11, с. 115-129].

В «Жонглёре» Каменский фактически сопоставляет искусство жонглёра с искусством поэта-звучаря, который виртуозно жонглирует словами, в том числе спонтанно созданными. Каменский выступает здесь предтечей саунд-поэзии, которая получила развитие во второй половине XX века в разных странах.

Приведём фрагмент этой развёрнутой фонетической композиции:

Згара-амба
Згара-амба
Згара-амба
Згара-амба
Амб.

Амб-згара-амба
Амб-згара-амба
Амб-згара-амба
Амб.

Шар-шор-шур-шир.
Чин-драх-там-дззз.

Шар-диск
Ламп-диск
Брось-диск
Дай-диск
Иск-иск-иск-иск.

Пень. Лень. День. Тень.
Перевень. Перемень.
Пок. Лок. Док. Ток.
Перемок. Перескок.
Рча-рча
Амс.

Сень. Синь. Сан. Сон.
Небесон. Чудесон.
Словолей. Соловей аловей.
Чок-й-чок. Чок-й-чок.
Ей. Лей. Млей. Милей.
Чу сверчок.
Взгам-бара-лязг-взмай.
Ам-ара-язг-май.

Раскину ласкину из амбара слов.
И в шатре ало-шелковой айзы,
Где моё детство – чудесно росло
Пропую барбала-баралайзы.
Эль-лэ-лэ.

Уже здесь видно, с какой виртуозностью поэт-композитор представляет действия жонглёра. Вначале действие идёт на звуковом повторе, затем на вариативном, затем показ предметов, переходящий в почти неуловимое мелькание: «Иск-иск-иск-иск». Следующий этап – поиск и нахождение множественных ассоциаций – от предметов до состояний. И наконец включаются вариации словесного жонглирования – появляется **Словолей**, проявляется Поэт, который сопоставляется с жонглёром:

Наденет тонкое трико
Поэт (уста – свирели) –
И станет в ритме над рекой
Бросать золотострели.

Поэтом будь – зайли-заяй,
Будь истинным жонглёром.

И тогда можно провидеть **Судьбу словослияний**, возникнет **Словозвонная бесцель**, появится **Бродячий словокант**, жонглируя **словалью**, откроется **словоцель** и **словозвнч**, и наконец **Словольность** приведёт к началу жонглирования **безгранарабесконцамба**.

Здесь, конечно, заметна определённая переключка с хлебниковскими Смехачами. Причём не в стремлении непременно повторить, а скорее в стремлении расширить поле поиска, в том числе с включением других форм искусства.

Важно отметить, что поэтическое дарование Каменского проявлялось не только в создании текстов, а и в организации поэтического пространства. Если неутомимый Давид Бурлюк по праву носил титул отца русского футуризма, то Каменский сам себя именовал «матерью русского футуризма». Он действительно заботился и о публикациях своих друзей, и о представлении их творчества на сцене. Именно он воссоздал в своих **поэтических** мемуарах будетлянские приключения периода «бури и натиска».

Для футуристов была очень важна самопрезентация, и Каменский был виртуозом самопрезентации. И.Ю. Иванюшина отмечает: «Никогда до футуристов в поэтических самопрезентациях так не подчёркивалось ин-

дивидуальное биографическое начало» [18, с. 206]. Ср.:¹⁰

Это Я – это Я–
Футурист-песнебоец
И пилот-авиатор
Василий Каменский.

Для самопрезентации В. Каменский подерживал свой индивидуальный миф – поэт-авиатор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русские футуристы радикально заострили вопрос поэтического творчества. Василий Каменский, который сочетал в себе таланты автора и организатора поэтического пространства, находился на самом острие такого заострения (воспользуемся здесь стилистикой нашего героя!). Его поэзия пересекала пространство и время. Каменский включал в поэзию преображённую прозу, поэтическую мемуаристику, но также искусство цирка и новейшее искусство авиатора. Вбирая на слух и голос русский народный распев и выкрик, он создавал звучарные партитуры, которые смотрелись своеобразными стихокартинами, или железобетонными конструкциями.

Творчество Василия Каменского, тесно связанное с фундаментальными открытиями Велимира Хлебникова, поистине будетлянское. Оно пересекает временные границы. Укоренённое в русской традиции словесности, оно задаёт новые параметры поэтического, которые открываются его восприимчивым годам спустя.

Автору этой статьи самому довелось входить в творческую лабораторию Каменского. Причём заходов было несколько. Самый первый этап, когда на излёте 1960-х, под влиянием 13-томника Маяковского шло интенсивное освоение русского авангарда. И тогда же (1969 г.) неожиданное переиздание «Пути энтузиаста» Каменского его младшим другом, пермским редактором и журналистом Савватием Михайловичем Гинцем (1903–1974). С него и начинается современ-

¹⁰ Поэзия русского футуризма. СПб.: Академ. проект. 1999. С. 252.

ное каменсковедение. И в это же время начинается переписка автора этих строк с Савватием Михайловичем, продолжавшаяся весь период работы Гинца над книгой о Каменском¹¹. Гинц посылал студенту-филологу главу за главой и наконец весь текст книги, которая очень трудно шла к изданию. Таким образом, книга проходила своего рода апробацию на молодом поэте и филологе,двигающегося в сторону авангарда. С Савватием Михайловичем я встречался только однажды, но это даёт мне возможность сказать, что с В.В. Каменским меня связывает одно рукопожатие! Видимо, это обстоятельство и подвигло впоследствии к более

пристальному всматриванию в творения поэта и к аналитической голосовой работе с его текстами, а также к взаимодействию с увлечёнными Каменским поэтами Валерием Шерстяным, Александром Горноном, фламандским поэтом-исследователем Филипом Меерсманом, с которым мы представляли железобетонную поэму «Константинополь» на русском и нидерландском языках в Королевской академии изящных искусств в Антверпене.

Творчество Василия Каменского, казалось бы, такое открытое в своей яркости, может таить в себе ещё не до конца проявленные особенности, оставляя нам возможности новых обращений к его творениям.

¹¹ Гинц С.М. Василий Каменский. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1974.

Список источников

1. Соколова О.В. Идиоматика В. Хлебникова и В. Маяковского в переводах: «декодируемые» и «кодируемые» идиомы (лексикографический аспект) // Иностранные языки в высшей школе. 2020. № 3 (54). С. 52-66. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.54.3.005>, <https://elibrary.ru/wvknxi>
2. Казарина Т.В. Функции вещи в литературе авангарда // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5 (116). С. 175-182. <https://elibrary.ru/siqzen>
3. Феценко В.В. Языковые аномалии русского авангарда в фокусе лингвистических теорий // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 19. С. 44-54. <https://elibrary.ru/pirujc>
4. Казакова С.А. Турне Василия Каменского по Кавказу: к вопросу о творческом поведении // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 3 (166). С. 228-236. <https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.3.054>, <https://elibrary.ru/zrtech>
5. Оконешикова А.В. Окационализмы в романе В. Каменского «Степан Разин» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 1. № 1-1 (61). С. 105-108. <https://elibrary.ru/tknklub>
6. Белая Г. Авангард как богоборчество // Вопросы литературы. 1992. №. 3. С. 115-124. <https://elibrary.ru/buejon>
7. Федотова Н.Ф. Творческая драма футуриста (лирика В. В. Каменского 1920-х гг.) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. №. 5. С. 49-58. <https://elibrary.ru/kwmyrb>
8. Орлицкий Ю. Каменский как первооткрыватель новых форм в русской поэзии // Василий Каменский: Поэт. Авиатор. Циркач. Гений футуризма. Неопубликованные тексты. Факсимиле. Комментарии и исследования / сост. и науч. ред. А.А. Россомехин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. С. 155-168. <https://elibrary.ru/uwzjni>
9. Никульцева В.В. Велимир Хлебников и Владимир Маяковский: параллели словотворчества // Русская речь. 2014. № 4. С. 23-27. <https://elibrary.ru/sljbcbn>
10. Васильев С.А. «Пинь-пинь-пинь! – тарарахнул зинзивер...» (Орнитологическая основа художественного образа в стихотворении В. Хлебникова «Кузнецик») // Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке / отв. ред. А.И. Смирнова. М., 2019. С. 194-197.
11. Василий Каменский. Поэт. Авиатор. Циркач. Гений футуризма. Неопубликованные тексты. Факсимиле. Комментарии и исследования / сост. и науч. ред. А. Россомехин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 432 с. <https://elibrary.ru/xqsqej>
12. Каменский В. Танго с коровами. Железобетонные поэмы. (Факсимильное издание с приложением статей Ю. Молока «Типографские опыты поэта-футуриста», А. Шемшурина «Железобетонная поэма»). М.: Книга, 1991. 15 с.
13. Поляков В. Книги русского кубофутуризма. Изд. 2-е. М.: Гилея, 2007. 551 с.

14. Марков В.Ф. История русского футуризма / пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Алетея, 2000. 414 с.
15. Бирюков С.Е. Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма. М.: Наука, 1994. 288 с.
16. Scherstjanoi V. Tango mit Kühen. Anthologie der Russischen Lautpoesie zu Beginn des 20. Jahrhunderts. Wien: Edition Selene, 1998.
17. Буренина-Петрова О.Д. Цирк в пространстве культуры. М.: НЛО, 2014. 432 с.
18. Иванюшина И.Ю. Жанр самопрезентации в лирике русского футуризма // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 203-209. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-203-209>, <https://elibrary.ru/xzczkjv>

References

1. Sokolova O.V. Idiomatics of V. Khlebnikov and V. Mayakovsky in translation: decoding vs. encoding idioms (lexicographic aspect). *Inostrannye yazyki v vysshei shkole = Foreign Languages in Tertiary Education*, 2020, no. 3 (54), pp. 52-66. (In Russ.) <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.54.3.005>, <https://elibrary.ru/wvwxni>
2. Kazarina T.V. Functions of thing in the literature of avant-garde. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Samara State University*, 2014, no. 5 (116), pp. 175-182. (In Russ.) <https://elibrary.ru/siqzen>
3. Feshchenko V.V. Language anomalies of the Russian avant-garde in the focus of linguistic theories. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. = Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2019, no. 19, pp. 44-54. (In Russ.) <https://elibrary.ru/pirujc>
4. Kazakova S.A. Vasily Kamensky's tour of Georgia: on artistic behavior. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki = Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 2017, vol. 19, no. 3 (166), pp. 228-236. (In Russ.) <https://doi.org/10.15826/izv2.2017.19.3.054>, <https://elibrary.ru/zrtech>
5. Okoneshnikova A.V. Occasionalisms in V. Kamensky's novel "Stepan Razin". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, vol. 1, no. 1-1 (61), pp. 105-108. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tnkclub>
6. Belaya G. Avant-garde as atheism. *Voprosy literatury*, 1992, no. 3, pp. 115-124. (In Russ.) <https://elibrary.ru/buejon>
7. Fedotova N.F. Creative drama of futurist (lyric poetry of the 1920's years by V.V. Kamenskiy). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya = Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 2009, no. 5, pp. 49-58. (In Russ.) <https://elibrary.ru/kwmypb>
8. Orlitsky Yu. Kamensky as a discoverer of new forms in Russian poetry. Vasily Kamensky: Poet. Aviator. Circus performer. *Vasilii Kamenskii: Poet. Aviator. Tsirkach. Genii futurizma. Neopublikovannye teksty. Faksimile. Kommentarii i issledovaniya*, St. Petersburg, European University at St. Petersburg Publ., 2017, pp. 155-167. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uwzjni>
9. Nikultseva V.V. Velimir Khlebnikov and Vladimir Mayakovsky: parallels of word creation. *Russkaya rech' = Russian Speech*, 2014, no. 4, pp. 23-27. (In Russ.) <https://elibrary.ru/sljcbn>
10. Vasiliev S.A. "Ping-ping-ping!" the zinziver banged... (Ornithological basis of the artistic image in V. Khlebnikov's poem "Grasshopper"). *Ptitsa kak obraz, simbol, kontsept v literature, kul'ture i yazyke*. Moscow, 2019, pp. 194-197. (In Russ.)
11. Rossomakhin A.A. (academ. ed.-compiler). *Vasilii Kamenskii. Poet. Aviator. Circus Performer. Futurist Genius. Unpublished texts. Facsimiles. Commentaries and Research*. St. Petersburg, European University at St. Petersburg Publ., 2017, 432 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xqsqj>
12. Kamensky V. *Tango with Cows. Reinforced Concrete Poems. (Facsimile Edition with the Appendix of Articles by Y. Moloko "Typographic Experiments of a Futurist Poet", A. Shemshurin "Reinforced Concrete Poem")*. Moscow, Kniga Publ., 1991, 15 p. (In Russ.)
13. Polyakov V. *Books of Russian Cubo-Futurism*. Moscow, Gileya Publ., 2007, 551 p. (In Russ.)
14. Markov V.F. *Russian Futurism: a History (Russian History and Culture)*. St. Petersburg, Aletya Publ., 2000, 414 p. (In Russ.)
15. Biryukov S.E. *Zeugma. Russian Poetry from Mannerism to Postmodernism*. Moscow, Nauka Publ., 1994, 288 p. (In Russ.)
16. Scherstjanoi V. *Tango with Cows. Anthology of Russian Sound Poetry at the Beginning of the 20th Century*. Vienna, Edition Selene Publ., 1998. (In German.)

17. Burenina-Petrova O.D. *Circus in the Cultural Space*. Moscow, NLO Publ., 2014, 432 p. (In Russ.)
18. Ivanyushina I.Yu. The genre of self-presentation in the lyrics of Russian futurism. *Zhanry rechi = Speech Genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 203-209. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-203-209>, <https://elibrary.ru/xzckjv>

Информация об авторе

БИРЮКОВ Сергей Евгеньевич, доктор культуры, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории сравнительного литературоведения и креативных практик, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0009-0003-4976-8993>, sibirjukov@gmail.com

Вклад в статью: концепция исследования, поиск и анализ научной литературы, анализ поэтических текстов, обработка и редактирование материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 23.09.2024

Поступила после доработки и рецензирования 07.11.2024

Принята к публикации 28.11.2024

Information about the author

Sergey E. Biryukov, Dr. Sci. (Cultural Studies), Cand. Sci. (Philology), Leading Research Scholar of the Scientific Laboratory of Comparative Literary Behavior and Creative Practices, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0003-4976-8993>, sibirjukov@gmail.com

Contribution: study conception, scientific literature analysis, poetic texts analysis, material processing and editing, manuscript text drafting.

Received September 23, 2024

Approved after reviewing and revision November 7, 2024

Accepted November 28, 2024